

УДК 903.1 903.02 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.73.91>

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ НАСКАЛЬНОГО И МОБИЛЬНОГО ИСКУССТВА

© 2025 г. А.М. Жульников

Статья посвящена результатам выявления и анализа сходных признаков, наблюдаемых в изображениях на нео-энеолитической керамике Северной и Восточной Европы, в наскальном творчестве и в искусстве малых форм. В ходе пространственно-типологического анализа разных видов изображений установлено, что некоторые наблюдаемые черты сходства связаны с определенным типом керамики. Некоторые сходные признаки, наблюдаемые как в наскальном, так и в мобильном искусстве, имеют локальное распространение в пределах определенного водного бассейна или его части. В ходе проведенного исследования получены данные, свидетельствующие об уральском и зауральском происхождении некоторых мотивов изображений на керамической посуде Восточной Европы. Обосновывается вывод, что иконография ряда мифических персонажей на петроглифах или писаницах иногда служила изобразительными канонами при их воспроизведении в мобильном искусстве, в том числе на керамической посуде. Некоторые виды изображений на керамике оказали определенное влияние и на наскальное творчество.

Ключевые слова: археология, изображения на керамике; петроглифы; писаницы; мобильное искусство; неолит; энеолит; Северная и Восточная Европа

IMAGES ON NEO-ENEOLITHIC CERAMICS OF THE NORTHERN AND EASTERN EUROPE IN THE CONTEXT OF ROCK ART AND MOBILE ART

А.М. Zhul'nikov

The paper deals with the results of identification and analysis of similar features in images on Neo-Enolithic ceramics of Northern and Eastern Europe, in rock art and minor arts. During the spatial-typological analysis of different types of images, it was established that some found similarities are associated with a particular type of pottery. Some similar features have a local distribution within a particular water basin or part of it, found in both rock and mobile art. Data have been obtained indicating the Ural and Trans-Ural origin of some image motifs on pottery from Eastern Europe. The conclusion is substantiated that the iconography of a number of mythical characters on petroglyphs or rock paintings sometimes served as visual canons for their reproduction in mobile art, including ceramic wares. Some types of images on pottery also had a certain influence on rock art as well.

Keywords: archaeology, images on ceramics, petroglyphs, rock paintings, mobile art, Neolithic, Eneolithic, Northern and Eastern Europe

Введение

Анализ сходных и отличительных черт в изображениях на керамике, в мобильном искусстве и в наскальном творчестве имеет несомненное значение для выявления направлений контактов и изучения процессов взаимодействия охотничье-рыболовецкого населения лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. Кроме того, для датирования и периодизации нео-энеолитических петроглифов и писаниц Северной Евразии, возраст которых обычно довольно трудно определить естественнонаучными методами, актуальным

является сопоставление их с плоскостными изображениями на керамической посуде. Успешный опыт датирования наскальных изображений по аналогиям в орнаментации керамики и по образцам мобильного искусства, обычно имеющим достаточно точную хронологическую привязку, имеется к настоящему времени для писаниц Урала (Чернецов, 1964; Чаиркина, 2005; Широков, Чаиркин, 2011), гравировок на скалах Приамурья (Ласкин, 2019) и т. д. Накопление количественных данных по плоскостным изображениям на нео-энеолитической керамике

Северной и Восточной Европы, позволяют применить данный культурно-исторический метод для изучения наскального творчества древнего населения Фенноскандии.

Двухмерные изображения на керамике и на скалах существенно отличаются по визуальному восприятию от объемных изображений, к которым относится большая часть образцов древнего мобильного искусства. Такое свойство плоскостных изображений делает методически оправданным сопоставление особенностей иконографии и стиля фигур, выполненных в разной технике на керамических сосудах и на скальной поверхности. В разряд плоскостных изображений, сведения о которых были проанализированы в настоящем исследовании, были отнесены и некоторые виды подвесок и нашивок на одежду, гравировки на кости и на сланцевых плитках. Для анализа причин появления сходных иконографических и стилистических черт в облике ряда персонажей, нашедших воплощение на керамической посуде и в наскальном творчестве, основное внимание уделено изучению распространения их в пространстве, с учетом данных об их хронологии, количественных показателях.

Материалы

Плоскостные изображения на нео-энеолитической керамике Северной и Восточной Европы на данный момент известны на 87 сосудах. Большая часть сосудов с изображениями относится к позднему неолиту – началу энеолита. Изображения на раннеэнеолитической керамике региона единичны. К пористой или асбестовой позднеэнеолитической керамике принадлежит 14 сосудов с рисунками.

Сосуды с изображениями, найденные на территории региона, встречаются на поселениях, как правило, в единичных экземплярах и лишь на четырех стоянках обнаружены фрагменты от нескольких подобных изделий (3–4 экз.): Вигайнаволок I, Илекса на Куштозере (Жульников, 2022), Сятос, Йороинен Канава.

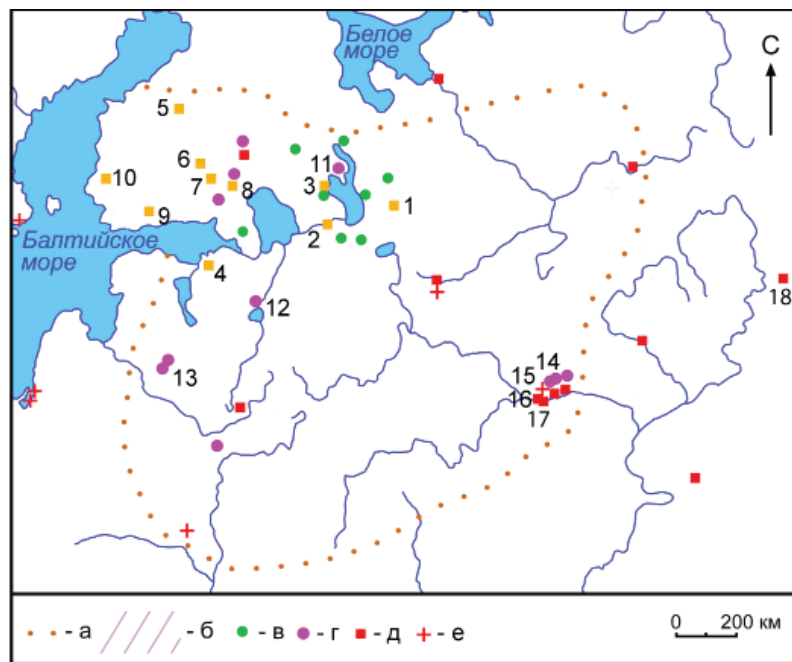
Наибольшая концентрация находок сосудов с плоскостными изображениями наблюдается в восточной части бассейна Балтийского моря (рис. 1). Подавляющая их часть здесь связана с комплексами типичной гребенчатой или ромбоямочной керамики.

Среди образов, представленных на керамической посуде Северной и Восточной Европы, доминируют водоплавающие птицы. На 64

сосудах, помимо орнамента, имеются только изображения орнитоморфов. Обнаружено шесть сосудов, где водоплавающая птица сочетается с другими образами: антропоморфы (3 экз.), копытные животные (1 экз.), фигуры в виде сетки (1 экз.) или овалов (1 экз.). Иные образы или их сочетания, встречающиеся на нео-энеолитической керамике региона исследований: антропоморфы (13 сосудов), рыбы (1 экз.), дерево-? (1 экз.); круги из скрученного в виде спирали шнура (1 экз.); сочетание фигуры антропоморфа и изображений дерева (1 экз.).

На поселении Мольбище III на Средней Волге найден фрагмент волосовской керамики, на внутренней поверхности которого процарапана голова лося или оленя (Никитин, 1996, рис. 75: 4). Данный рисунок, судя по специфическому характеру линии (рваный край и т. п.), был нанесен на поверхность уже обожженного или высушенного перед обжигом сосуда. Не исключено, что данная фигура могла быть нанесена не на целый сосуд, а на его фрагмент (аналог сланцевой плитки?), что не позволяет включить данную находку в группу керамической посуды с плоскостными изображениями.

Как правило, изображения птиц располагались однорядным «фризом» (в виде хорова) по всей окружности сосуда. Длинная шея указывает на то, что изображен гусь или лебедь (большинство сосудов). Все изображения профильные и выполнены по необожженной поверхности сосуда в той же технике, что и абстрактно-геометрический орнамент на сосудах этой эпохи (Жульников, Кашина, 2010). Иные варианты размещения изображений орнитоморфов на сосуде: несколько горизонтальных рядов фигур птиц на сосуде (по всей его высоте?); одиночный «хоровод» из фигур птиц на центральной части тулова; горизонтальный ряд из фигур птиц, ориентированных головами перпендикулярно венчику; группа (стая) из трех птиц на тулове сосуда (рис. 2: 10). Достоверные одиночные изображения птиц встречены на двух сосудах. Одиночные фигуры птиц сочетаются с иными образами на трех сосудах. На двух сосудах одиночные (?) фигуры птиц нанесены на внутреннюю часть тулова. На девяти сосудах орнитоморфы представляют собой редуцированные изображения, где обозначены только голова и шея, опирающаяся на линию, иногда

Рис. 1. Карта мест находок плоскостных изображений на нео-энеолитической керамике Северной и Восточной Европы. а - граница распространения изображений птиц на керамике неолита – начала энеолита; б – территория находок изображений птиц с обозначенными крыльями; в – находки редуцированных и полнофигурных изображений птиц на ромбоямочной керамике (типа Пегрема I); г – места находок антропоморфных изображений на керамической посуде неолита – начала энеолита; д – изображения птиц на пористой и асбестовой керамике финала энеолита; е – антропоморфные изображения на керамике финала энеолита.

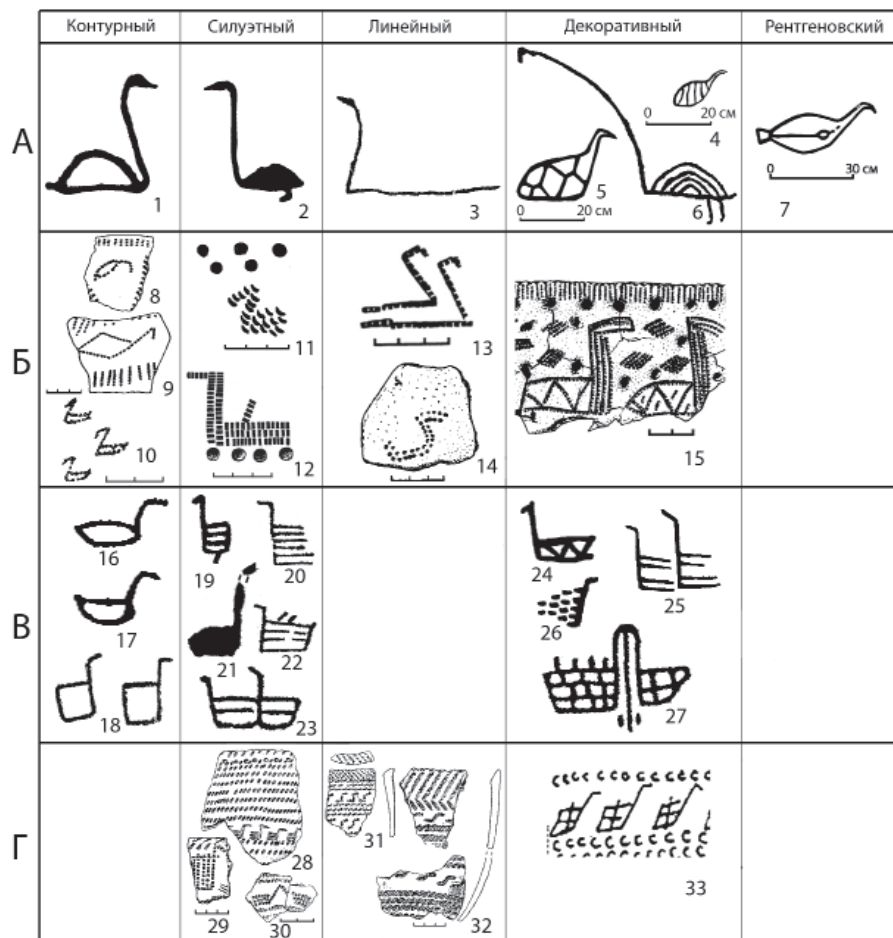
1 – Кубенино; 2 – Пески IVa; 3 – Негежма; 4 – Ломми; 5 – Пихтипудас Муурреярви; 6 – Йороинен Канава; 7 – Сулкава Капаккамьяки; 8 – Рьяккюля Пёрринмёкки; 9 – Сокенбака Хельсинки; 10 – Колмхаара Хонкилахти; 11 – Пегрема II; 12 – Коломцы; 13 – Звидзе; 14 – Нижняя Стрелка IV; 15 – Отарское VI; 16 – Отарское XVIII.

Fig. 1. Map of the locations of findings of planar images on Neo-Eneolithic ceramics of Northern and Eastern Europe. а - boundary of distribution of bird images on Neolithic pottery – beginning of the Eneolithic; б - area of bird image findings with marked wings; в - finds of reduced and full-figured bird images on diamond-edged ceramics (type Pegrem I); г - places of finds of anthropomorphic images on ceramic wares of the Neolithic - the beginning of the Eneolithic; д - images of birds on porous and asbestos pottery of the end of the Eneolithic; е - anthropomorphic images on pottery of the end of the Eneolithic. 1 - Kubenino; 2 - Peski IVa; 3 - Negezhma; 4 - Lommi; 5 - Pikhtipudas Muurrejärvi; 6 - Joroinen Kanava; 7 - Sulkava Kapakkamaki; 8 - Ryakkula Perrinmekki; 9 - Sokenbaka Helsinki; 10 - Kolmhaara Honkilahti; 11 - Pegrema II; 12 - Kolomtsy; 13 - Zvidze; 14 - Nizhnyaya Strelka IV; 15 - Otarskoye VI; 16 - Otarskoye XVIII.

изогнутую, видимо, обозначающую поверхность воды (Жульников, 2022).

На территории Северной и Восточной Европы найдено 17 сосудов с антропоморфными изображениями (Швеция – 1, Финляндия – 3, Беларусь – 2, Литва – 2, Латвия – 2, Карелия – 1, Новгородская обл. – 1, Вологодская обл. – 1, Марий Эл – 4). Изображение на раннеэнеолитическом сосуде с поселения Звидзе (Лозе, 1983) относится к V – началу IV тыс. до н. э. (Лозе, 1988). Раннеэнеолитические сосуды с накольчатой орнаментацией и антропоморфными фигурами на плоском доннышке со стоянок Среднего Поволжья (Никитин, 1996, с. 101) датируются V тыс. до н. э. Остальные сосуды с антропоморфными фигурами относятся к

IV тыс. до н. э. – первой половине III тыс. до н. э. Антропоморфные изображения на керамических сосудах единичны и, в отличие от орнитоморфов, не образуют рядов из повторяющихся фигур. Антропоморф на внутренней стороне сосуда со стоянки Пегрема II включен в горизонтальный ряд из фигур, напоминающих изображение дерева. Остальные антропоморфные изображения выполнены на внешней стороне нео-энеолитических сосудов, в их верхней части. На стоянке Отарское XVIII найден волосовский сосуд с одиночным антропоморфным изображением у венчика в виде личины, ниже которой расположено оригинальное изображение, вероятно, водоплавающей птицы с удлиненным туловищем,

Рис. 2. Сравнительная таблица соответствия типов (стилей) изображений орнитоморфов в наскальном творчестве и в графических изображениях на керамике Северной Европы, Урала и Западной Сибири. А – типы изображения орнитоморфов на наскальных изображениях Фенноскандии; Б – орнитоморфные изображения на керамике Восточной Европы; В - типы изображения орнитоморфов на наскальных изображениях Урала; Г - орнитоморфные изображения на керамике Урала и Западной Сибири. 1 – Бесов Нос (Западная группа); 2 – Большой Гурий; 3 – Полуостров Кочковнаволок; 4, 5 – Хаммер V; 6 – Бесов Нос (Северная группа); 7 - Хаммер VII; 8 – Черная Гора; 9 – Майданская; 10 – Усть-Кедва; 11 – Войнаволок IX; 12 – Пески IVa; 13 – Черная Губа IX; 14 – Кривина I; 15 – Коломцы; 16-17, 20, 21 – Соколинские утесы; 18 – Северская; 19 – Бородинская II; 22, 23, 27 – Змиев Камень; 24 – Шайтан Камень; 25 – Мелкое; 26 – Зенковская; 28 – Шигирское городище; 29 – Палкино; 30, 31, 32 – Аятское Правобережное; 33 – Лева XII (Равдоникас, 1936, табл. 24, 26; 37; Poikalainen & Ernits, 1998; Sognes, 2017, fig. 5; Вакка, 1973; 1988; Гурина, 1972, рис. 10: 7, 9, 12; Никитин, 1996, рис. 75: 9; Витенкова, 2002, рис. 35; Семенов, Несанелене, 1997, рис. 19: 1; Жульников, 2006, рис. 36: 1; 2021, рис. 4: 6; Широков, Чаиркин, 2011; табл. 2, рис. 97; Чаиркина, 2005, рис. 63: 10; Бобров, 2013, рис. 4).

Fig. 2. Comparative table of the correspondence of types (styles) of ornithomorph images in rock art and in graphic images on pottery of the Northern Europe, the Urals and Western Siberia. A – types of images of ornithomorphs on rock paintings of Fennoscandia; Б – ornithomorph images on ceramics of the Eastern Europe; В - types of images of ornithomorphs on rock paintings of the Urals; Г - ornithomorph images on ceramics of the Urals and Western Siberia. 1 – Besov Nos (Western group); 2 – Bolshoy Guriy; 3 – Kochkovnavolok Peninsula; 4, 5 – Hammer V; 6 – Besov Nos (Northern group); 7 - Hammer VII; 8 – Chyornaya Gora; 9 – Maidanskaya; 10 – Ust-Kedva; 11 – Voynavolok IX; 12 – Peski IVa; 13 – Chyornaya Guba IX; 14 – Krivina I; 15 – Kolomtsy; 16-17, 20, 21 – Sokolinsky Utyosy; 18 – Severskaya; 19 – Borodinskaya II; 22, 23, 27 – Zmiev Kamen; 24 – Shaitan Kamen; 25 – Melkoye; 26 – Zenkovskaya; 28 – Shigirskoye hillfort; 29 – Palkino; 30, 31, 32 – Ayatskoye Pravoberezhnoye; 33 – Leva XII (Ravdonikas, 1936, tables 24, 26; 37; Poikalainen & Ernits, 1998; Sognes, 2017, fig. 5; Bakka, 1973; 1988; Gurina, 1972, fig. 10: 7, 9, 12; Nikitin, 1996, fig. 75: 9; Vitenkova, 2002, fig. 35; Semenov, Nesanelene, 1997, fig. 19: 1; Zhulnikov, 2006, fig. 36: 1; 2021, fig. 4: 6; Shirokov and Chirkin, 2011; Table 2, fig. 97; Chirkina, 2005, fig. 63: 10; Bobrov, 2013, fig. 4).

опоясывающем сосуд в виде прямой линии. Отходящая от нее под прямым углом линия, завершающаяся изогнутым вниз концом (шея и голова) – типичный прием, используемый древними людьми при изображении орнитоморфов на нео-энеолитической керамической посуде. По В.В. Никитину данная фигура – это змея или уж (Никитин, 1976, с. 262)).

К знакам, схематично обозначающим орнитоморфов на нео-энеолитической керамике, следует отнести также фигуры в виде отпечатков лап птиц (Королев, 2020). Подобные изображения имеются на фрагментах 29 сосудов с 13 стоянок, подавляющая часть которых расположена в Поочье, Верхнем и Среднем Поволжье. На стоянке Имерка VIII известно 17 таких сосудов, большей частью относящихся к волосовской культуре (Королев, Ставицкий, 2006). Фигуры в виде отпечатков птичьих лап находятся на внутренней стороне 13 из 16 волосовских сосудов с этой стоянки, что, как полагает А.И. Королев, обусловлено особым содержимым керамической емкости, на которую наносился подобный мотив (Королев, 2020, с. 80). Принадлежность этих оригинальных изображений к тем или иным типам нео-энеолитической керамики лесной и лесостепной полосы Европы требует специального изучения и не затрагивается в настоящем исследовании.

По изобразительным особенностям зооморфных и антропоморфных фигур на петроглифах, писаницах и на керамической посуде они могут быть разделены на пять основных групп (стилей): изображения контурного, силуэтного, линейного (линейного), орнаментального и так называемого рентгеновского стиля (рис. 2). Туловище персонажей, относимых к силуэтному стилю, наряду со сплошной выбивкой/раскраской, иногда может быть выполнено регулярно нанесенными параллельными линиями, тогда как для фигур орнаментального стиля характерно более сложное, часто нерегулярное заполнение: перекрещивающиеся или изгибающиеся линии; зигзаги; сетка, штрихи-точки и т. п. Сопоставление по стилю изображений птиц на петроглифах, писаницах и керамике Северной и Восточной Европы, Урала и Зауралья (рис. 2) показало, что изображения рентгеновского стиля характерны только для наскального творчества населения Западной Фенноскандии. На писаницах Урала неиз-

вестны достоверные фигуры птиц в линейном стиле, а контурные изображения орнитоморфов отсутствуют на керамике Урала и Зауралья. Показательно, что контурные изображения птиц не представлены на керамической посуде, найденной на территории Фенноскандии, где на петроглифах подобные по стилю фигуры орнитоморфов имеются в изобилии.

На ромбоямочной посуде доминируют изображения птиц, выполненные ямками, на типичной гребенчатой керамике – отпечатками гребенчатого штампа.

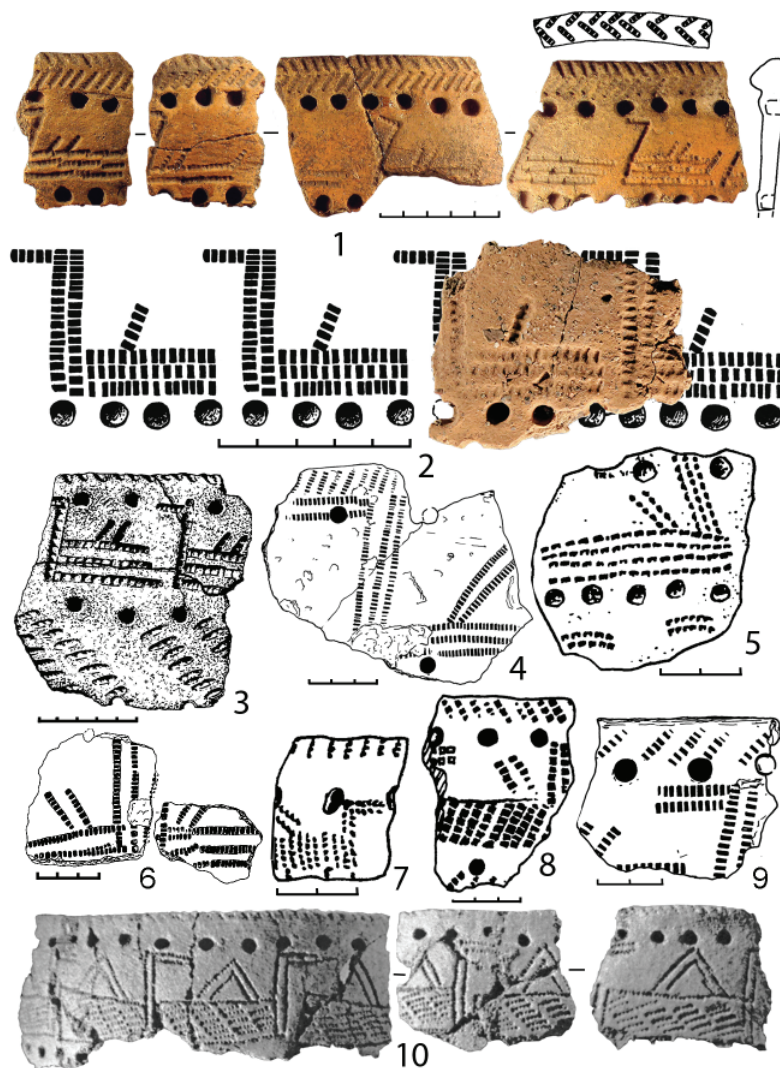
Наиболее разнообразны по технике нанесения на сосуды фигуры антропоморфов. Оттисками гребенки выполнено на сосудах восемь антропоморфных фигур, наколами – четыре, в технике прочерчивания – два, оттисками шнура – два, ямками-лунками – два.

Результаты пространственно-типологического анализа

Изображения птиц с обозначенным крылом на керамической посуде Северной и Восточной Европы связаны исключительно с типичной гребенчатой керамикой (рис. 3), локализуясь в центральной части ее ареала (рис. 4). Единичные, территориально наиболее близкие аналогии фигурам птиц с таким признаком имеются на Онежских петроглифах (рис. 4: 13), подвесках/нашивках из кости и кремня (рис. 4: 12, 14, 15). Две из них найдены за пределами зоны распространения типичной гребенчатой посуды в комплексах энеолитической волосовской керамики (рис. 4: 14, 15).

Многочисленные аналогии изображению лебедя с туловищем, выполненным в виде дугообразных линий, на внутренней стороне сосуда со стоянки Кузнечиха (рис. 4: 7) имеются только на Онежских петроглифах (рис. 4: 8, 9, 11, 13).

У фигур водоплавающих птиц на энеолитических сосудах (с примесью асбеста или раковины) со стоянок Таипале (рис. 4: 1) и Кузнечиха (рис. 4: 7), датируемых по аналогиям второй половиной IV тыс. до н. э., ноги показаны неестественно смещенными к задней части туловища. Сходный признак наблюдается у некоторых фигур орнитоморфов, выгравированных в некоторых группах петроглифов Альты (рис. 4: 2. 3) (датировка по высотным данным – 4000 – 2700 лет до н. э. (Helskog, 2014, p. 29), наскальных изображениях Белого моря (рис. 4: 4–6) и Онежского

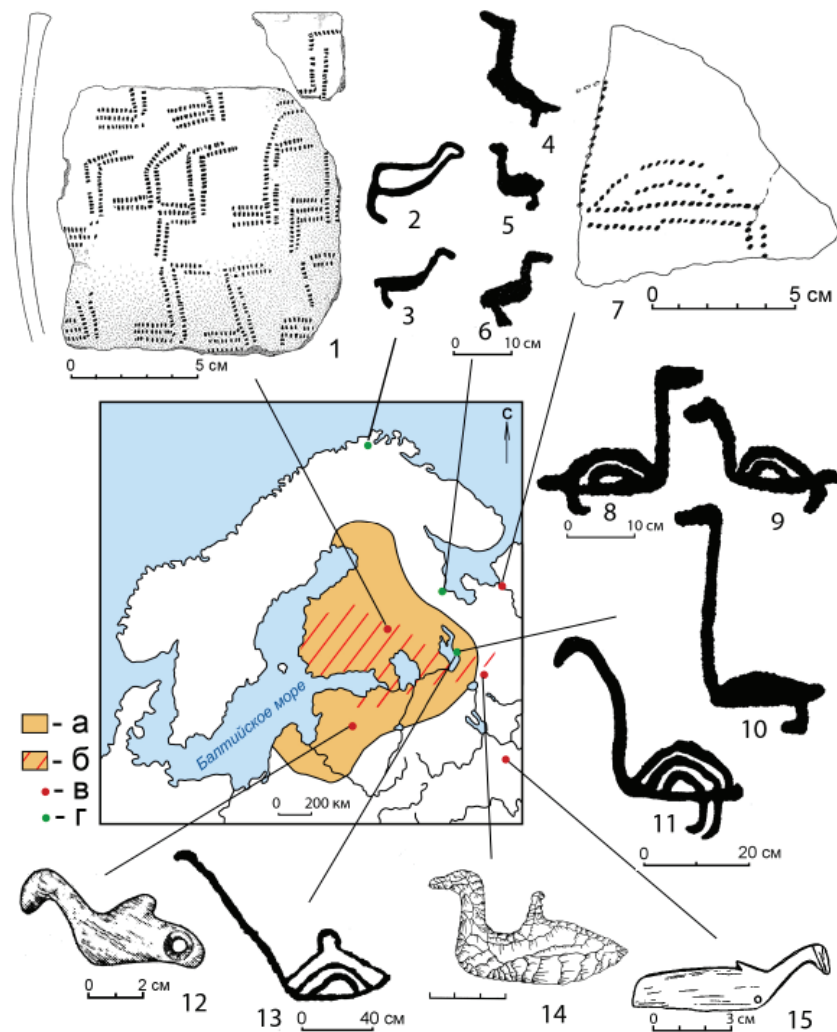
Рис. 3. Изображения птиц с крылышками на типичной гребенчато-ямочной керамике. 1 – Кубенино; 2 – Пески IVa; 3 – Раяккюля Пёрринмёкки (Lahelma, 2008, fig. 3); 4 – Колмхаара Хонкилахти; 5 – Негежма (Гурина, 1972, рис. 10:3); 6 – Пиктипудас Муурреярви; 7 – Ломми (Гурина, 1972, рис. 10:1); 8 – Сулкава Капаккямяки; 9 – Сокенбака Хельсинки; 10 – Йороинен Канава (Schulz, 2006, abb. 2). 1, 2, 4, 6, 8, 9 – фото и рисунки А.М. Жульникова.

Fig. 3. Images of birds with wings on typical pit-comb ceramics. 1 – Kubenino; 2 – Peski of IVa; 3 – Ryayakkyulya Pyorinmyokki (Lahelma, 2008, fig. 3); 4 – Kolmhaara Honkilahti; 5 – Negezhma (Gurina, 1972, fig. 10:3); 6 – Pikhtipudas Muurrejarvi; 7 – Lommi (Gurina, 1972, fig. 10:1); 8 – Sulkava Kapakkamyaki; 9 – Sokenbaka Helsinki; 10 – Joroinen Kanava (Schulz, 2006, abb. 2). 1, 2, 4, 6, 8, 9 – photos and drawings by A.M. Zhulnikov.

озера (рис. 4: 8, 9, 10). На писаницах Урала подобные изображения водоплавающих птиц не представлены, однако, изредка встречаются на керамике эпохи бронзы (Широков, Чаиркин, 2011, рис. 98: 2). Широкое распространение на территории Северной Европы этого признака, наличие его на керамике, относящейся к разным типам, свидетельствует о существовании у значительной части населения этого региона устоявшегося канона в изображении орнитоморфов (образ плывущей птицы?), существовавшего на протяже-

нии довольно длительного периода (финал неолита – энеолит).

Изображения птиц с туловищем в виде треугольника зафиксированы только на ромбо-ямочной керамике, получившей распространение в бассейне Онежского озера и прилегающих районах (рис. 5: 1–6), датируемой первой половиной IV тыс. до н. э. (Жульников, 2022). Стоянки с ромбо-ямочной керамикой, где найдены подобные сосуды, располагаются в центральной части ареала распространения типа. Аналогии изображениям птиц с треу-

Рис. 4. Аналогии некоторым видам плоскостных изображений на керамике: птицы с крылышками, птицы с туловищем в виде дугообразных линий, птицы с ногами, смещенными к хвосту. а – область распространения типичной гребенчато-ямочной керамики; б – территория распространения изображений на керамике птиц с крылышками; в – группы наскальных изображений; г – стоянки. 1 – Таипале Липери (Edgren, 1967, abb. 4); 2-3 – Альта; 4-6 – Бесовы Следки (Савватеев, 1970, рис. 7); 7 – Кузнечиха; 8, 9 – Остров Малый Гурий; 10, 11 – Остров Большой Гурий; 12 – Тамула (погребение 7) (Iršenas, 2010, fig. 6: 3); 13 – Пери Нос III; 14 – Модлона (Ошибкина, 1992, рис. 58: 4); 15 – Сахтыш I. 2-3, 7-11, 13, 15 – рисунки А.М. Жульникова.

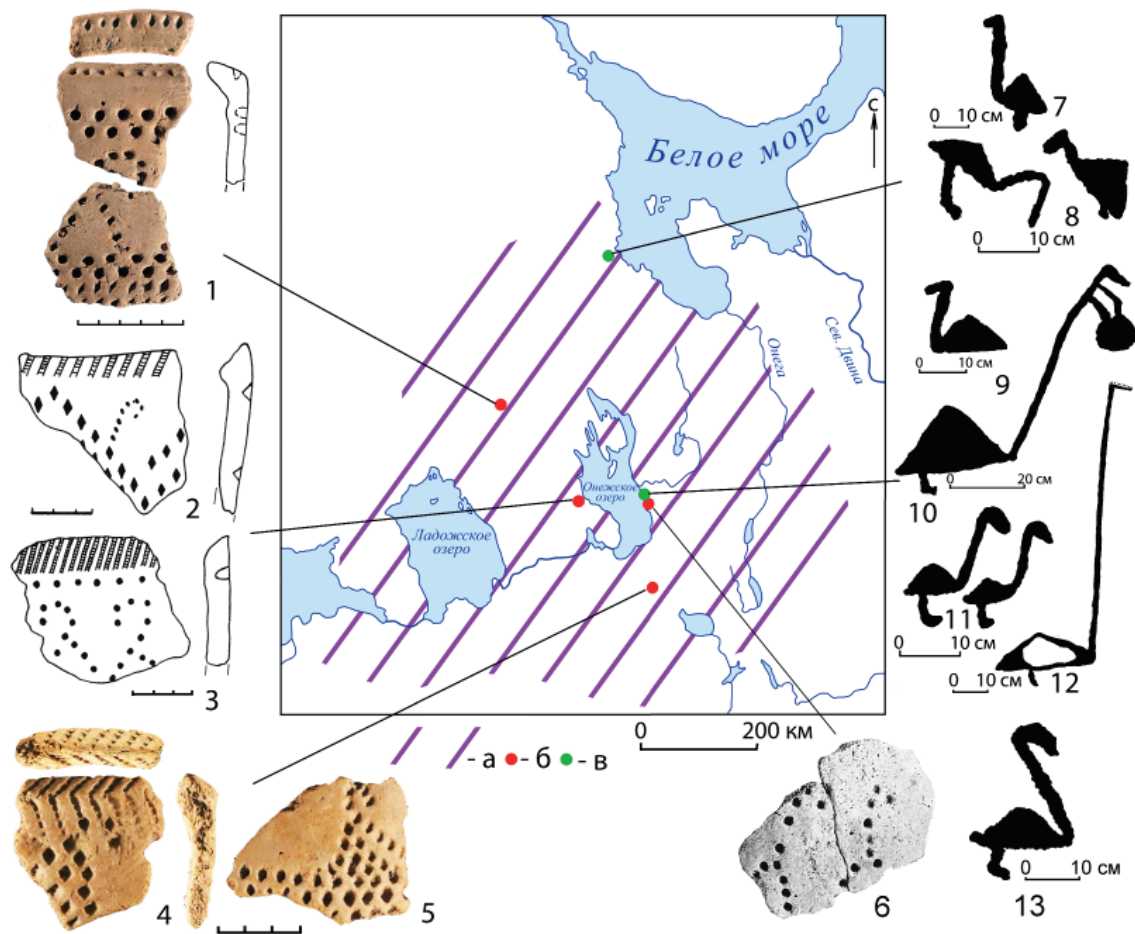
Fig. 4. Analogies to some types of planar images on ceramics: birds with wings, birds with a body in the form of arc-shaped lines, birds with legs shifted to the tail. а – area of distribution of typical pit-comb ceramics; б – area of distribution of images of birds with wings on ceramics; в - groups of rock carvings; г – campsites 1 – Taipale Liperi (Edgren, 1967, abb. 4); 2-3 – Viola; 4-6 – Besovy Sledki (Savvateev, 1970, fig. 7); 7 – Kuznechikha; 8, 9 – Ostrov Maly Guriy; 10, 11 – Ostrov Maly Guriy; 12 – Tamula (burial 7) (Iršenas, 2010, fig. 6:3); 13 – Peri Nos III; 14 – Modlona (Oshibkina, 1992, fig. 58: 4); 15 – Sakhtysh I. 2-3, 7-11, 13, 15 – drawings by A.M. Zhulnikov.

гольным туловищем имеются на Беломорских петроглифах в группе Новая Залавруга (рис. 5: 7, 8). На Онежских петроглифах птицы с треугольным туловищем зафиксированы в группах Пери Нос III, VI, Бесов Нос (северная группа), Остров Корюшкин (рис. 5: 9–13).

На двух сосудах со стоянок Черная Губа IX и Пихтипудас Муурруярви оттисками гребенки выполнены изображения пар лебедей (рис. 6: 1а, 1б, 5). Такие композиции часто встре-

чаются на скалах Фенноскандии (рис. 5: 3, 4, 6, 7, 9, 11, 12), Урала (рис. 2: 18, 23, 25, 27) и Сибири.

На сосуде со стоянки Черная Губа IX, расположенной на северо-восточном побережье Онежского озера, лебеди изображены в линейном стиле. Подобные по стилю фигуры многочисленны на Онежских петроглифах (рис. 6: 10). В двух скоплениях наскальных изображений Фенноскандии, территории

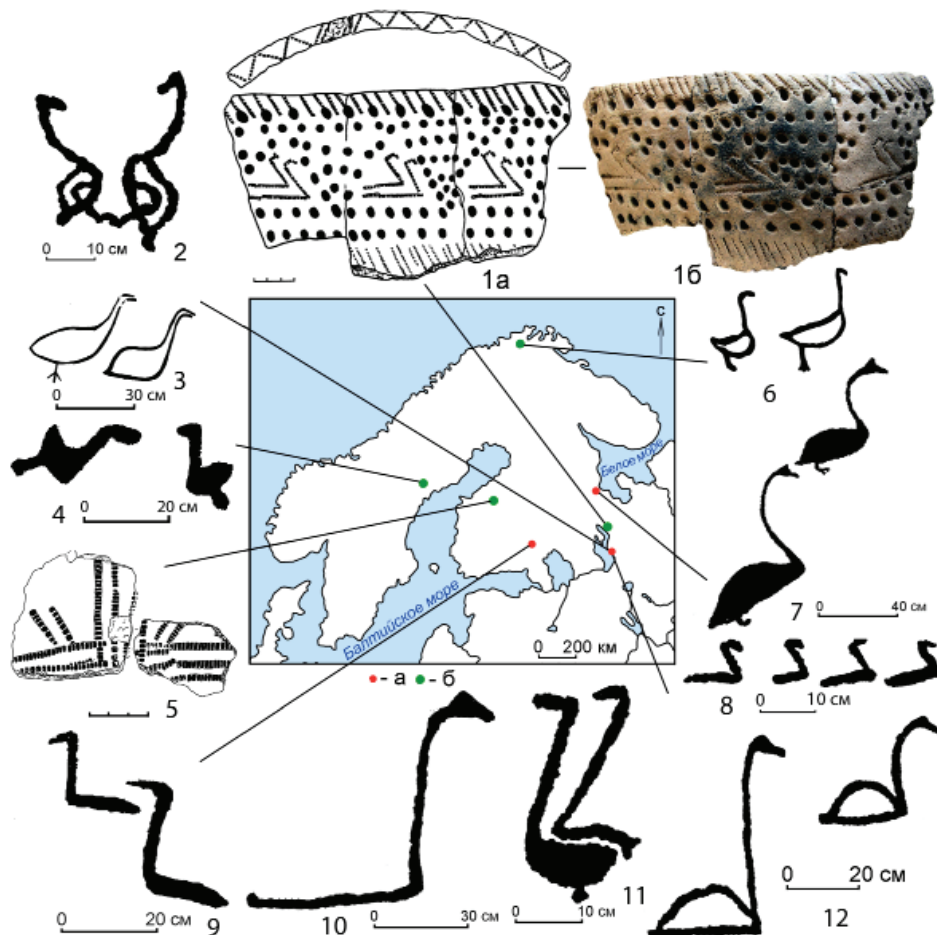
Рис. 5. Места находок изображений птиц с треугольным туловищем и низко опущенной головой на керамике и петроглифах. а – территория массового распространения ромбоямочной керамики (серии из трех и более сосудов); б – стоянки; в – группы наскальных изображений. 1 – Чудозеро VI; 2-3 – Вигайнаволок I; 4, 5 – Илекса (на Куштозеро); 6 – район мыса Бесов Нос (Жульников, 2022, рис. 2: 5); 7-8 – Новая Залавруга; 9 – Остров Коряушкин; 10, 13 – Бесов Нос (северная группа); 11 – Пери Нос VI; 12 – Пери Нос III. 1-5, 7-13 – рисунки и фото А.М. Жульникова.

Fig. 5. Places where images of birds with a triangular body and a low-hanging head were found on ceramics and petroglyphs. а – area of the wide distribution of diamond-shaped ceramics (a series of three or more vessels); б – campsites; в – groups of rock carvings. 1 – Chudozero VI; 2-3 – Vigainavolok I; 4, 5 – Ilekxa (on Kushtozero); 6 – Cape Besov Nos area (Zhulnikov, 2022, fig. 2:5); 7-8 – Novaya Zalavruga; 9 – Ostrov Koryushkin; 10, 13 – Besov Nose (northern group); 11 – Peri Nos VI; 12 – Peri Nos III. 1-5, 7-13 – drawings and photos by A.M. Zhulnikov.

ально наиболее близких к Онежскому озеру, имеются единичные композиции с фигурами лебедей в линейном стиле: в группе писаниц Рапакко (рис. 6: 9) и на Беломорских петроглифах (рис. 6: 8).

Фигуры на керамике в виде отпечатков птичьих лап по характеру их расположения на керамической посуде могут быть разделены на две группы: первая – изображения птичьих лап ориентированы параллельно краю венчика; образуют цепочки, опоясывающие сосуд (рис. 7: 1, 3, 5, 6); вторая группа – изображения птичьих лап, в основном, видимо, одиночные, размещены в верхней части сосуда, под

прямым углом к его краю (рис. 7: 8, 9). На сосудах первой группы изображения птичьих лап нанесены в основном на внешнюю сторону сосуда. Такие сосуды найдены на шести стоянках Верхнего и Среднего Поволжья (рис. 7). Еще один сосуд с мотивом в виде отпечатков птичьих лап, относящийся к первой группе, происходит со стоянки Вис I в бассейне р. Вычегда. По сравнению с сосудами, найденными в Верхнем и Среднем Поволжье, он отличается тем, что горизонтальный ряд из фигур в виде отпечатков следов птичьих лап на нем нанесен на внутренней стороне, у венчика (рис. 7: 1). Посуда с изображениями птичьих

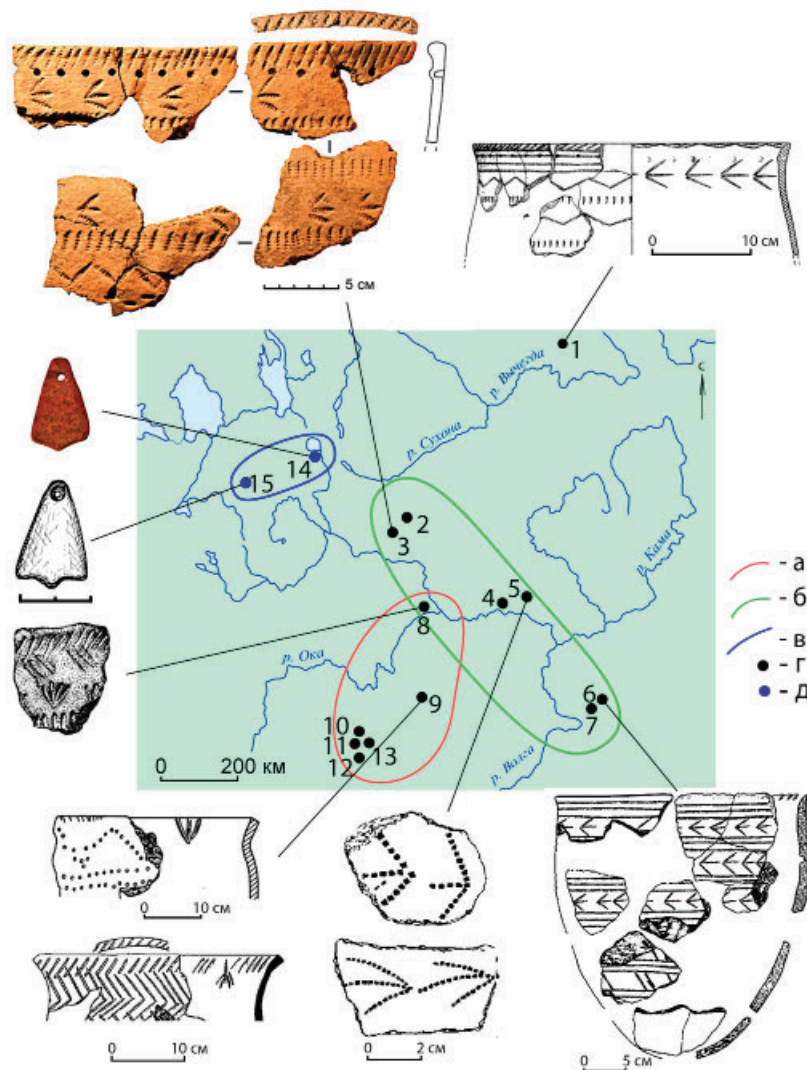
Рис. 6. Парные и линейные изображения птиц на керамике, на петроглифах и писаницах Северной Европы. 1a – Черная Губа IX (Витенкова, 2002, рис. 35); 1b – Черная Губа IX (фото А.М. Жульникова); 2 – Пери Нос III (Poikalainen & Ernits, 2021); 3 – Хаммер VII (Sognes, 2017, fig. 5); 4 – Немфорсен (рисунок А.М. Жульникова); 5 – Пихтипудас Муурруярви (рисунок А.М. Жульникова); 6 – Алта; 7, 8 – Бесовы Следки (Савватеев, 1970, рис. 7); 9 – Рапакко (Lahelma, 2008, fig. 12: b); 10, 12 – Кочковनावолок (Poikalainen & Ernits, 1998); 11 – Пери Нос III (Poikalainen & Ernits, 2021).

Fig. 6. Paired and linear images of birds on rhomb-pit ceramics, petroglyphs and rock paintings of Northern Europe. 1a – Chyornaya Guba IX (Vitenkova, 2002, fig. 35); 1b – Chyornaya Guba IX (photo by A.M. Zhulnikov); 2 – Peri Nos III (Poikalainen & Ernits, 2021); 3 – Hammer VII (Sognes, 2017, fig. 5); 4 – Nemforsen (drawing by A.M. Zhulnikov); 5 – Pihtipudas Muurrujärvi (drawing by A.M. Zhulnikov); 6 – Alta; 7, 8 – Besovy Sledki (Savvateev, 1970, fig. 7); 9 – Rapakko (Lahelma, 2008, fig. 12: b); 10, 12 – Kochkonnabolok (Poikalainen & Ernits, 1998); 11 – Peri Nos III (Poikalainen & Ernits, 2021).

лап, отнесенная ко второй группе, локализуется в Поочье (рис. 7), где она обнаружена на шести стоянках. Аналогии изображениям птичьих лап на керамике, по предположению А.И. Королева (2020, с. 81), обнаруживаются среди подвесок из прибалтийского янтаря. Подобные по форме украшения имеются в материалах двух нео-энеолитических могильников (Кончанское – 2 экз. и Каргулино – 2 экз.) (рис. 7: 14, 15), расположенных к северо-западу от Верхнего Поволжья. Показательно, что подвески в виде птичьих лап неизвестны на территории юго-восточной Прибалтики, откуда янтарные украшения в неолите широко

распространялись по территории Восточной Европы. На типичной гребенчатой и ромбо-ямочной керамике, получивших распространение преимущественно в восточной части бассейна Балтийского моря, изображения в виде отпечатков лап орнитоморфов не представлены. Фигуры в виде отпечатков птичьих лап отсутствуют и в наскальном искусстве Северной Европы и Урала.

На голове двух антропоморфов, изображенных на керамических сосудах, имеются выступы, которые напоминают рога или уши копытного животного (рис. 8: 1, 2). На трех сосудах изображены фигуры антропоморфов

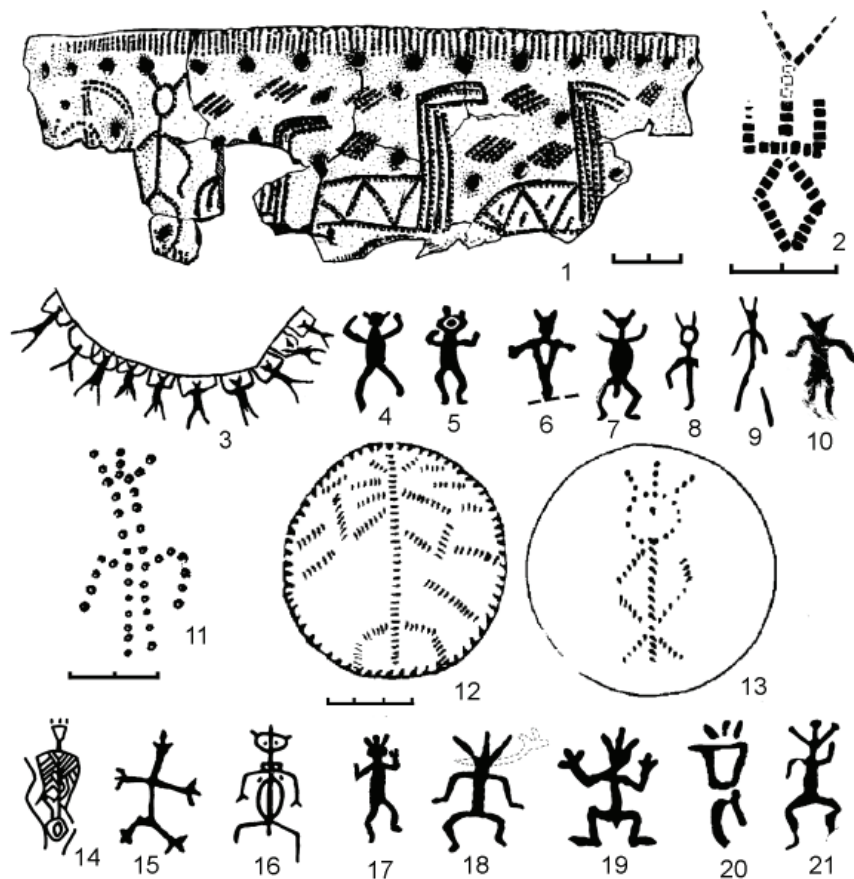
Рис. 7. Места находок нео-энеолитических изображений птичьих лапок. а – границы территории с изображениями птичьих лапок, ориентированных перпендикулярно краю сосуда; б - границы территории с изображениями птичьих лапок, ориентированных параллельно краю сосуда; в – предполагаемые границы территории, где встречаются янтарные подвески в виде птичьих лапок; г – стоянка; д – могильник. 1 – Вис I (Буров, 1967, табл. XI: 1); 2 – Федоровское; 3 – Умиление; 4 – Ахмыловское II; 5 – Барские Кужеры III (Никитин, 1996, рис. 75: 16, 17); 6 – Чекалино IV (Королев, 2020, рис. 1: 2); 7 – Лебяжинка VI; 8 – Володары (Цветкова, 1958, рис. 6: 6); 9 – Имерка VIII (Королев, Ставицкий, 2006, рис. 21: 3, 23: 9); 10 – Буховое 10; 11 – Доброе 4; 12 – Липецкое Озеро; 13 – Подзорово; 14 – могильник Каргулино; 15 – могильник Кончанский. 3, 14, 15 – фото и рисунок А.М. Жульникова.

Fig. 7. Locations of finds of Neo- Eneolithic images of bird legs. а – boundaries of areas with images of bird legs oriented perpendicular to the edge of the vessel; б - boundaries of areas with images of bird legs oriented parallel to the edge of the vessel; в – hypothesized boundaries of areas where amber pendants in the shape of bird legs are found; г – campsite; д – burial ground. 1 – Vis I (Burov, 1967, Table XI:1); 2 – Fedorovskoe; 3 – Umilenie; 4 – Akhmylovskoe II; 5 – Barskie Kuzhery III (Nikitin, 1996, fig. 75: 16, 17); 6 – Chekalino IV (Korolev, 2020, fig. 1: 2); 7 – Lebyazhinka VI; 8 – Volodary (Tsvetkova, 1958, fig. 6: 6); 9 – Imerka VIII (Korolev, Stavitsky, 2006, fig. 21: 3, 23: 9); 10 – Bukhovoye 10; 11 – Dobroye 4; 12 – Lipetskoye Ozero; 13 – Podzorovo; 14 – Kargulino burial ground; 15 – Konchansky burial ground. 3, 14, 15 – photo and drawing by A.M. Zhulnikov.

с тремя выступами на голове, которые похожи на головной убор из перьев (рис. 9: 11, 12, 13). Изображения антропоморфов с подобными признаками встречаются во многих скоплениях наскальных изображений Северной Евразии,

включая писаницы и петроглифы Фенноскандии (рис. 8: 3–10; 14–21).

Антропоморфы с контурными треугольными головами зафиксированы на территории Фенноскандии на одном керамическом сосуде,

Рис. 8. Изображения антропоморфов с рогами и «перьями» на керамике и в наскальном творчестве древнего населения Северной Европы. 1 – Коломцы (Гурина, 1972, рис. 12); 2 – Пегрема II; 3 – Альта, Кофьорд; 4, 5, 17, 18 – Канозеро (Колпаков, Шумкин, 2012, с. 291); 6, 20 – Немфорсен (Hallström, 1960, pl. XVII, C: 6; pl. XXII, T: 2); 7 – Пери Нос VI; 8, 9 – Астувансалми (Савватеев, 1976, рис. 8, 10); 10 – Вяррикаллио (Kivikäs, 1995); 11 – Звидзе (Лозе, 1983, рис. 3: 2); 12, 13 – Отарское VI, Нижняя Стрелка IV (Никитин, 1996, рис. 35: 15, рис. 75: 3); 14 – Винген (Bakka, 1973); 15 – Альта, Кофьорд; 16 – Альта (Helskog, 1988, p. 32); 19 – Чалмн-Варрэ (Гурина, 1992); 21 – Онежские петроглифы, Карецкий Нос. 2, 3, 7, 15, 21 – рисунки А.М. Жульникова.

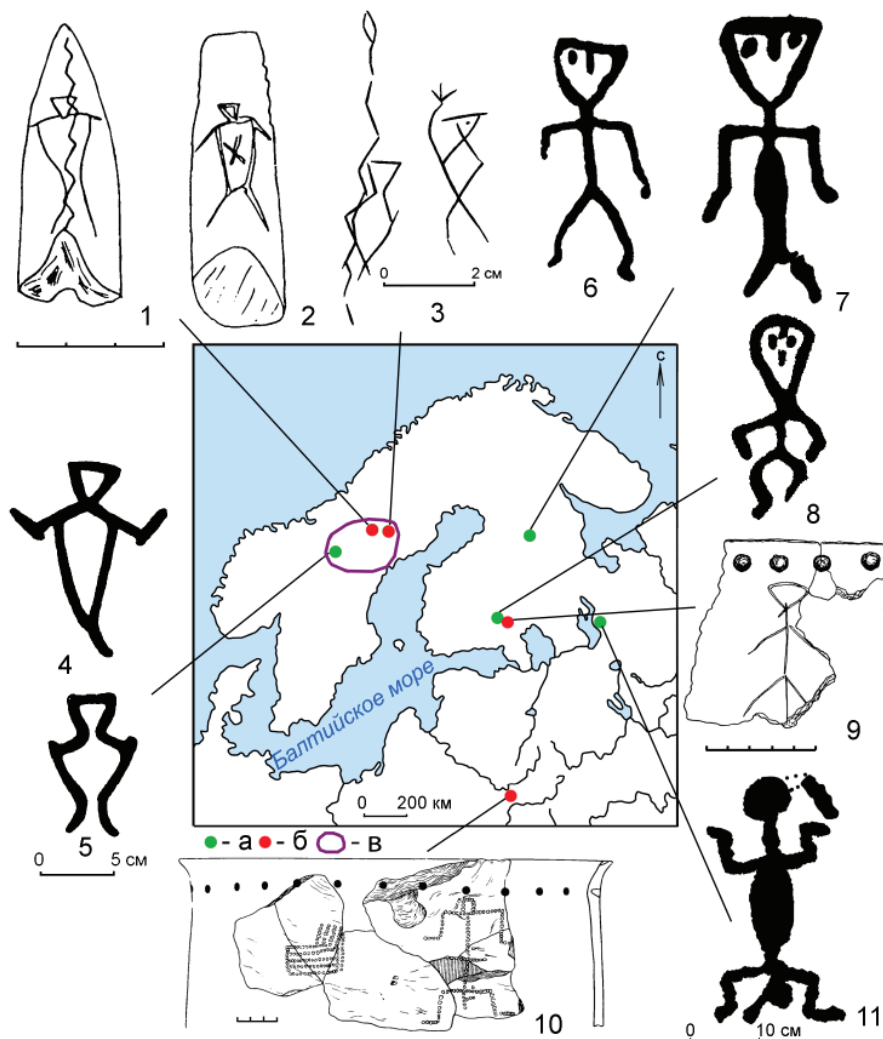
Fig. 8. Images of anthropomorphs with horns and “feathers” on ceramics and in rock art of the Northern Europe ancient population. 1 – Kolomtsy (Gurina, 1972, fig. 12); 2 – Pegrema II; 3 – Alta, Kofjord; 4, 5, 17, 18 – Kanozero (Kolpakov, Shumkin, 2012, p. 291); 6, 20 – Nemforsen (Hallström, 1960, pl. XVII, C: 6; pl. XXII, T: 2); 7 – Peri Nos VI; 8, 9 – Astuvansalmi (Savvateev, 1976, fig. 8, 10); 10 – Värrikallio (Kivikäs, 1995); 11 – Zvidze (Lose, 1983, fig. 3: 2); 12, 13 – Otarskoye VI, Nizhnyaya Strelka IV (Nikitin, 1996, fig. 35: 15, fig. 75: 3); 14 – Wingen (Bakka, 1973); 15 – Alta, Kofjord; 16 – Alta (Helskog, 1988, p. 32); 19 – Chalmn-Varre (Gurina, 1992); 21 – Onega petroglyphs, Karetsky Nos. 2, 3, 7, 15, 21 – drawings by A.M. Zhulnikov.

в трех группах писаниц и на трех сланцевых кинжалах (рис. 9: 1–5). Эти находки на территории Швеции и Финляндии образуют два локальных скопления, отличающихся набором признаков, характеризующих фигуры антропоморфов (рис. 9). Так, на территории Северной Швеции фигуры с треугольными головами имеют треугольное или ромбическое контурное туловище (рис. 9: 1–5), а на писаницах и керамике с территории Финляндии тела антропоморфов обозначены линией, иногда слегка утолщенной (рис. 9: 6–9).

Для некоторых антропоморфов на керамических сосудах характерно изображение

верхней части тела анфас, а нижней (ноги и т. д.) - в профиль, что типично для наскального творчества древнего населения Северной Евразии. Почти полная аналогия изображению антропоморфа на сосуде со стоянки Литвин (рис. 9: 10), с показанными в разных проекциях частями тела, имеется среди фигур на Онежских петроглифах (рис. 9: 11).

На волосовском сосуде, найденном В.В. Никитиным на стоянке Отарское XVIII в Среднем Поволжье, прочерчено изображение, напоминающее личину-маску (рис. 10: 1). Еще одна личина на территории Восточной Европы обнаружена на фрагменте сосуда

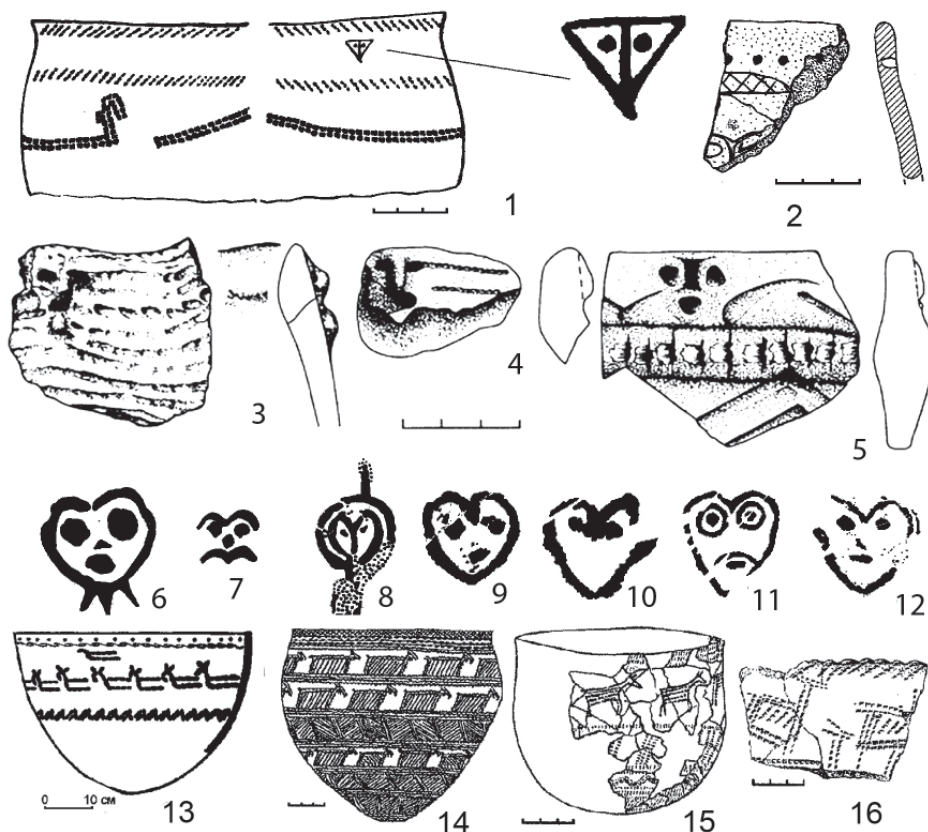
Рис. 9. Аналогии в специфических признаках изображений антропоморфов на керамике, сланцевых кинжалах и наскальных изображениях. а – группа наскальных изображений; б – стоянка; в – территория распространения фигур антропоморфов с треугольным или трапецевидным туловищем (на сланцевых плитках и кинжалах, наскальных изображениях). 1-2 – Рёрстрём (Forsberg, 1993, fig. 11); 3 – Торвсйон, изображение на сланцевом кинжале (Huggert, 1996, fig. 1); 4, 5 – Флатрует (Hallström, 1960, tab. VIII: A); 6, 7 – Врярикаллио (Lahelma, 2008, fig. 10, p. 268); 8 – Уиттамонсалми III ((Lahelma, 2008, p. 260); 9 – Кярмелахти Пуумала (рисунок А.М. Жульникова); 10 – Литвин (Исаенко, 1971, рис. 2); 11 – Бесов Нос (западная группа) (рисунок А.М. Жульникова).

Fig. 9. Analogies in specific features of anthropomorphic images on pottery, slate daggers and rock paintings. a – group of rock carvings; б – campsites; в – distribution area of anthropomorphic figures with a triangular or trapezoidal body (on slate tiles and daggers, rock carvings). 1-2 – Rörström (Forsberg, 1993, fig. 11); 3 – Torvsjon, painting on a slate dagger (Huggert, 1996, fig. 1); 4, 5 – Flatruet (Hallström, 1960, tab. VIII: A); 6, 7 – Värrikallio (Lahelma, 2008, fig. 10, p. 268); 8 – Uittamonsalmi III (Lahelma, 2008, p. 260); 9 – Kärmelahti Puumala (drawing by A.M. Zhulnikov); 10 – Litvin (Isaenko, 1971, fig. 2); 11 – Besov Nos (western group) (drawing by A.M. Zhulnikov).

эпохи бронзы со стоянки Конецбор I в Печорском Приполярье (рис. 10: 2). В наскальном искусстве Фенноскандии изображения личин не известны. В лесной полосе Европы они встречены только на Вишерской писанице у западных отрогов Урала (рис. 10: 6–8). Поиск иных аналогий восточноевропейским изображениям личин-масок на керамике и на писа-

нице уводит нас на Урал, в Зауралье (рис. 10: 3–5; 9–12) и далее на восток – вплоть до Приамурья и Северной Америки (Широков, Чаиркин, 2011; Панина, 2011; Ласкин, 2019; Русакова, 2020).

На сосуде со стоянки Бор III, расположенной в Прикамье, у венчика, выше фриза из фигур копытных животных, имеется одиноч-

Рис. 10. Изображения личин, копытных животных на керамике энеолита – эпохи бронзы Восточной Европы и Урала, на петроглифах, писаницах Северной Европы, Урала и Сибири. 1 – Отарское XVIII (Никитин, 1996, рис. 75: 1); 2 – Конецбор I (Канивец, 1974, рис. 21: 1); 3-5 – Усть-Вагильский холм (Панина, 2011, рис. 2, 3, 5); 6-8 – Вишерская писаница (Генинг, 1954, табл. I); 9-12 – Томская писаница (Русакова, 2020, рис. 1); 13 – Бор III (Бадер, Соколова, 1953. Рис. 16, 8); 14-16 – Амня I, Коптыки IX, Карасье Озеро (Чаиркина, 2005. Рис. 65, 4, 7, 8).
Fig. 10. Images of faces, ungulates on Eneolithic - Bronze Age pottery of Eastern Europe and the Urals, on petroglyphs, rock paintings of Northern Europe, the Urals and Siberia. 1 – Otarskoye XVIII (Nikitin, 1996, fig. 75:1); 2 – Konetsbor I (Kanivets, 1974, fig. 21:1); 3-5 – Ust-Vagilsky Kholm (Panina, 2011, fig. 2, 3, 5); 6-8 – Visherskaya pisanitsa (Gening, 1954, tab. I); 9-12 – Tomskaya pisanitsa (Rusakova, 2020, fig. 1); 13 – Bor III (Bader and Sokolova, 1953. Fig. 16, 8); 14-16 – Amnya I, Koptyaki IX, Karasye Ozero (Chirkina, 2005. Fig. 65, 4, 7, 8).

ное (?) изображение, возможно, водоплавающей птицы (Бадер, Соколова, 1953, рис. 16: 8) (рис. 10: 13). По ряду особенностей орнамента этот сосуд может быть отнесен к борскому этапу гаринской культуры. Композиции в виде фриза из фигур копытных для восточноевропейской керамики не характерны, зато представлены на аятской и иной энеолитической посуде Зауралья (Чаиркина, 2005, с. 247–250) (рис. 10: 15–17). Наряду с изображениями копытных животных с обозначенными ногами на зауральской посуде имеются фигуры лосей или оленей, у которых, как и на сосуде со стоянки Бор III, ноги не изображены.

Обсуждение результатов

Очевидно, что ритуальные и социальные функции наскального искусства и керами-

ческой посуды, украшенной плоскостными изображениями, явно различны, что не могло не найти отражения в количественном и качественном составе представленных на них образов (Жульников, Кашина, 2010, с. 16). Среди изображений животных на писаницах и петроглифах Фенноскандии наиболее часто встречаются изображения лосей или оленей, тогда как на керамической посуде лесной полосы Европы, Урала и Зауралья, как было выше отмечено, преобладают фигуры водоплавающих птиц. Изображения лодок, в изобилии наблюдаемых в наскальном творчестве охотников и рыболовов Фенноскандии, не нашли воплощения на керамической посуде Северной и Восточной Европы.

Различия в составе образов, нашедших отражение на керамической посуде лесной поло-

сы Европы, Урала и Зауралья, видимо, следует рассматривать в качестве свидетельства конвергентного развития изобразительных традиций древнего населения данных регионов. Косвенно подтверждает данный вывод и почти полное отсутствие находок сосудов с изображениями на территориях, непосредственно примыкающих с запада к Уралу.

Значительная часть сходных признаков, наблюдаемых в изображениях на нео-энеолитической керамике и в наскальном творчестве (парные фигуры лебедей, изображения антропоморфов с «рогами», «перьями», антропоморфы с верхней частью тела анфас, нижней – в профиль), имеет широкое распространение на всей территории Северной Евразии. Подобное сходство, видимо, обусловлено наличием общих представлений у древнего населения данного обширного региона об облике и символическом значении ряда изображаемых персонажей/композиций. Например, лебеди, образующие в природе устойчивые пары, очевидно, могли ассоциироваться с семьей, что не могло не привлекать внимание древнего человека и получало мифологическое переосмысление в художественном творчестве. Представления о человеке-звере, как известно, входят в число универсалий мировой культуры.

Среди узколокальных признаков, совпадающих в облике птиц на ромбоямочной керамике, петроглифах Белого моря и Онежского озера, выделяются фигуры лебедей с треугольным туловищем. Поскольку данный признак не имеет явного природного прототипа, то его генезис следует связать с культурой населения с ромбоямочной керамикой. Скорее всего, мотив в виде треугольников, получивший широкое распространение в орнаментации ромбоямочной керамики финала неолита – начала энеолита, и его модификация в виде орнитоморфов (Жульников, 2002), стали основой (прообразом) для появления в наскальном творчестве гравировок фигур птиц с треугольным туловищем. Подобные изображения на Онежских и Беломорских петроглифах имеются в некоторых группах явно разновременных наскальных изображений, что может послужить в дальнейшем основой для их датирования и периодизации. Некоторые иные оригинальные признаки плоскостных изображений орнитоморфов на керамике (фигуры птиц в линейном стиле, с обозначенными крылышками, с туловищем

в виде дуг), имеющие локальное распространение на территории региона, также могут использоваться для установления и уточнения хронологии петроглифов Восточной Фенноскандии.

В некоторых случаях совпадения в деталях фигур на керамике и в наскальном творчестве, при существенных различиях этих изображений по иным признакам, можно отнести к разряду конвергентных явлений. К их числу, в частности, отнесены треугольные головы у антропоморфных персонажей на наскальных изображениях, сланцевых кинжалах и на керамике Северной Швеции и Финляндии. Возможно, конвергентным происхождением обусловлены несовпадения зон распространения контурных изображений птиц на керамике Восточной Европы, на петроглифах Фенноскандии и писаницах Урала.

Появление на керамической посуде Восточной Европы единичных изображений личин и фигур копытных животных, при наличии многочисленных восточных аналогий этим образам в наскальном творчестве и на керамической посуде, следует однозначно связать с уральским и зауральским влиянием.

Примером возникновения локальной изобразительной традиции, не нашедшей отражения в наскальном творчестве древнего населения Фенноскандии и Урала, является мотив в виде отпечатков птичьих лап на керамике Поочья, Верхнего и Среднего Поволжья. Территориальная и хронологическая близость находок изображений птичьих лап в виде фигур на керамике и в виде янтарных подвесок позволяет предполагать, что эти традиции взаимосвязаны. Появление в энеолите к юго-востоку от Прибалтики янтарных украшений в виде птичьих лап, очевидно, было «наведено» образами, получившими воплощение на керамической посуде у некоторых групп населения лесной полосы Восточной Европы. Так как на территории Юго-Восточной Прибалтики, где в неолите-энеолите функционировали мастерские по производству украшений из «солнечного камня», подобные изделия не известны, то, не исключено, что янтарные украшения в виде птичьих лапок являются результатом переоформления полученных в ходе обмена пластинчатых подвесок. Данная изобразительная традиция отчасти отражает направления и структуру связей групп древнего населения, проживавшего преимущественно

но в лесной и лесостепной части Волжского бассейна и в Поочье.

Фигура антропоморфа на сосуде, в отличие от изображений птиц, как уже было отмечено, всегда одиночная. Этот факт позволяет предполагать, что в этом образе древними людьми были воплощены представления об облике вполне конкретного мифического персонажа, важного для того ритуала, в котором была задействована специально изготовленная для него керамическая посуда. Единичность фигур антропоморфов на сосудах обусловлена отчасти и тем, что в отличие от наскального творчества создание керамической емкости – это одномоментный акт, не предполагающий подновлений и дополнений путем создания на ней новых фигур, как это могло в течение многих столетий происходить на писаницах или петроглифах.

Поскольку фигуры копытных животных на сосуде со стоянки Бор III находят определенные аналогии в зауральской керамике, то стоит обратить внимание на наличие на многих стоянках гаринской культуры посуды с примесью талька уральского (зауральского?) происхождения (Бадер, 1961, с. 28). Керамика с тальком на гаринских памятниках относительно малочисленна и не образует самостоятельных комплексов, поэтому ее происхождение в бассейне Камы связано, видимо, не с миграцией на запад зауральских племен, а, вероятно, с брачными связями или с обменом сосудами групп населения Прикамья и Зауралья. Одним из последствий этих связей/обмена, видимо, и явилось появление на гаринском сосуде мотива в виде ряда из изображений лося или оленя, относящегося, видимо, к зауральской (аятской – ?) культурной традиции.

Выводы

В лесной полосе Европы наибольшая концентрация сходных признаков в изображениях на керамике и петроглифах выявлена в восточной части бассейна Балтийского моря. Примечательно, что находки плоскостных изображений на типичной и ромбоямочной керамике соотносятся с центральной областью распространения этих типов. Онежские петроглифы выступают здесь как своего рода «ядро», в пределах которого наблюдается наибольшее число совпадений по облику

персонажей, изображаемых древними людьми в неолите – начале энеолита на Севере Европы на керамической посуде и, отчасти, в мобильном искусстве. Эти данные хорошо соотносятся с характеристикой В.Н. Топоровым особенностей сакрального пространства в традиционной культуре, центр которого не только маркируется храмом, алтарем, мировой горой и т. п., но и становится тем источником, который определял структуру окружающего «сакрального поля» (Топоров, 1983, с. 255). Устойчивые иконографические воплощения ряда мифических образов на скалах Онежского петроглифического святилища, видимо, становились для древнего населения Восточной Фенноскандии и соседних регионов своего рода изобразительными канонами для их воспроизведения в мобильном искусстве. Тем не менее, видимо, и изображения на керамике, иногда оказывали влияние на облик некоторых орнитоморфов на петроглифах (например, многочисленные фигуры водоплавающих птиц с треугольным туловищем на скалах Онега). Кроме того, искусство малых форм, к которому можно отнести и керамическую посуду с изображениями, могло выступать в роли своего рода перемещаемого на значительные расстояния носителя информации об иконографическом облике некоторых мифических персонажей.

Не отказываясь от идеи использования сосудов с плоскостными изображениями во время окказиональных ритуалов (Жульников, Кашина, 2010; Жульников, 2022), отмечу, что в некоторых частях Северной и Восточной Европы, вероятно, существовали локальные регионы, где духовная жизнь групп неолитических охотников и рыбаков, в том числе с использованием специально изготавливаемой и украшенной изображениями керамической посуды, протекала более интенсивно, чем на периферии археологических культур, маркируемых нередко границей распространения того или иного типа керамики. Расположение Онежского озера на стыке трех крупных водных бассейнов Северной и Восточной Европы: Балтийского, Беломорского и Волжского, видимо, географически предопределило расположение здесь крупного петроглифического святилища, функционировавшего на протяжении нескольких тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961. 198 с.
- Бадер О.Н., Соколова З.П.* Новые стоянки Чусовского Прикамья // Ученые записки ПГУ. 1953. Т. IX. С. 89–126
- Бобров В.В.* Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 4. № 3 (55). С. 5–12.
- Буров Г.М.* Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967. 220 с.
- Витенкова И.Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.
- Генинг В.Ф.* Наскальные изображения Писанного камня на р. Вишера // СА. Т. XIX / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1953. С. 259–280.
- Гурина Н.Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. № 131 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1972. С. 36–45.
- Гурина Н.Н.* Наскальные изображения Кольского полуострова // РА. 1992. № 3. С. 5–18.
- Жульников А.М.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
- Жульников А.М.* Об особенностях изображений птиц на ромбоямочной керамике восточной части бассейна Балтийского моря // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 182–193.
- Жульников А.М., Кашина Е.А.* Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.
- Исаенко В.Ф.* Неолитический сосуд с рисунком из Белоруссии // СА. 1971. № 2. С. 211–213.
- Канивец В.И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я.* Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
- Королев А.И.* Об орнаментации среза венчиков и внутренней поверхности сосудов волосовской культуры (по материалам поселений Парат XII и Имерка VIII) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 78–86.
- Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
- Ласкин А.Р.* Мотивы петроглифов Нижнего Амура в орнаментации керамических сосудов // Знаки и образы в искусстве каменного века. Международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Е.С. Леванова. М.: ИА РАН, 2019. С. 73–74.
- Лозе И.А.* Антропоморфные изображения со стоянки Звидзиенаскрогс // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР / Отв. ред. Л.Я. Кряжевская. Л.: Наука, 1983. С. 142–145.
- Лозе И.А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне, 1988. 209 с.
- Никитин В.В.* Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.
- Ошибкина С.В.* Искусство в неолите-энеолите. Север Восточной Европы // Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века. Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука, 1992. С. 44–68.
- Панина С.Н.* Рельефные и графические изображения личин под венчиками сосудов эпохи неолита Усть-Вагильского холма // ВАУ. Вып. 26 / Отв. ред. Ю.П. Чемякин. Екатеринбург, Сургут: Уральский федеральный университет, 2011. С. 141–144.
- Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: АН СССР, 1936. 205 с.
- Савватеев Ю.А.* Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 1. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 444 с.
- Семенов В.А., Несанелене В.Н.* Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. 169 с.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

- Русакова И.Д. Личины и «солярные» знаки Томской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 12. С. 89–108.
- Цветкова И.К. Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2. С. 112–123.
- Чауркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала / САИ. Вып. В4-12. М.: Наука, 1964. 52 с.
- Широков В.Н., Чауркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 182 с.
- Bakka E. Om alderen på veideristningane // Viking. 1973. Bind 37. P. 151–187.
- Bakka E. Helleristningane på Hammer i Beitstad, Steinkjer, Nord-Trøndelag. Rapport arkeologisk serie 1988/7. DKNVS Museet. Trondheim: Vitenskapsmuseet, 1988. 60 p.
- Edgren T. Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton. Suomen Museo. 1967. Vol. 73 (1966). P. 8–24.
- Forsberg L. En kronologisk analys av ristningarna vid Nämforsen // Ekonomi och näringsformer I nordisk bronsålder / Studia Archaeologica Universitatis Umensis 3. 1993. P. 175–276.
- Hallström G. Monumental art of northern Sweden from the stone age : Nämforsen and other localities. Stockholm, Almqvist & Wiksell. 1960. 544 p.
- Helskog K. Helleristningene i Alta: Spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta: Alta museum, 1988. 135 p.
- Helskog K. Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2014. 240 p.
- Huggert A. Human, Fish and Snake Engravings on an Animal Headed Dagger from Torvsjön in Åsele, Northern Sweden // Council of Europe 51. 1996. P. 441–456.
- Iršėnas M. Anthropomorphic and Zoomorphic Stone Age Art in Lithuania and its Archaeological Cultural Context // Archaeologia Baltica. 2010. Nr. 13. P. 175–190.
- Kivikäs P. Kalliomaalaukset: muinainen kuva-arkisto. Jyväskylä: Atena, 1995. 336 p.
- Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // Iskos 15. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. 279 p.
- Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega: The Vodla Region. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 1998. 432 p.
- Poikalainen, V., Ernits, E. Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladovets, Gazhi and Guri Localities. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 2021. 415 p.
- Sognes K. Maritime motiver i steinalderens bergkunst i Midt-Norge // Arkeologi i Norr 16. Umeå: Umeå universitet, 2017. P. 25–54.

Информация об авторах:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

REFERENCES

- Bader, O. N. 1961. *Poseleniia turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e (Turbino Type Settlements in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Bader, O. N., Sokolova, Z. P. 1953. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* IX, 89–126 (in Russian).
- Bobrov, V. V. 2013. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 55 (3), Vol. 4, 5–12 (in Russian).
- Burov, G. M. 1967. *Drevniy Sindor (iz istorii plemen Evropeyskogo Severo-Vostoka v VII tysyacheletii do n.e. I tysyacheletii n.e.) (Ancient Sindor (from the History of the Tribes of the European North-East in the 7th Millennium BC – 1st Millennium BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Vitenkova, I. F. 2002. *Pamyatniki pozdnego neolita na territorii Karelii (Late Neolithic sites in Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS (in Russian).

Gening, V. F. 1953. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 259–280 (in Russian).

Gurina, N. N. 1972. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131. Moscow: “Nauka” Publ., 36–45 (in Russian).

Gurina, N. N. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 5–18 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2006. *Petroglify Karelii: Obraz mira i miry obrazov (Petroglyphs of Karelia. Image of the world and the worlds of images)*. Petrozavodsk: “Scandinaviya” Publ. (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2022. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 266, 182–193 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Kashina, E. A. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 5–17 (in Russian).

Isaenko, V. F. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 211–213 (in Russian).

Kanivets, V. I. 1974. *Pecherskoe Pripolyar'e. Epokha rannego metalla (The Pechora Circumpolar region. The Early Metal period)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2012. *Petroglify Kanozera (Rock Carvings of Kanozero)*. Saint Petersburg: “Iskusstvo Rossii” Publ. (in Russian).

Korolev, A. I. 2020. In Turetsky, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 8. Samara: “Slovo” Publ., 78–86 (in Russian).

Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2006. *Primokshan'e v epokhu rannego metalla (The Moksha Region in the Early Metal Period)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Laskin, A. R. 2019. In Levanova, E. S. (ed.). *Znaki i obrazy v iskusstve kamennogo veka (Images and signs in the stone age art)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 73–74 (in Russian).

Loze, I. A. 1983. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Izskaniia po mezolitu i neolitu SSSR (Research on the Mesolithic and Neolithic of the USSR)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 142–145 (in Russian).

Loze, I. A. 1988. *Poseleniia kamennogo veka Lubanskoy niziny. Mezolit, ranniy i sredniy neolit (Settlements of the Stone Age in Lubana Lowland. Mesolithic, Early and Middle Neolithic)*. Riga: “Zinatne” Publ. (in Russian).

Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1992. In Oshibkina, S. V., Krainova, D. A., Zimina, M. P. *Iskusstvo kamennogo veka. Lesnaya zona Vostochnoj Evropy (Stone Age Art. Forest Area of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ., 44–68 (in Russian).

Panina, S. N. 2011. In Chemyakin, Yu. P. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 26. Yekaterinburg; Surgut: Ural Federal University, 141–144 (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1936. *Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera (Rock paintings of Lake Onega)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Savvateev, Yu. A. 1970. *Zalavruga. Arkheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg (Zalavruga. Archaeological sites of the lower reaches of the Vyg River)* Part 1. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Semenov, V. A., Nesanelene, V. N. 1997. *Evropeiskii Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvkar'skogo universiteta) (European Northeast in the Bronze Age (on the Basis of Excavations Materials from the Syktyvkar University))*. Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).

Toporov, V. N. 1983. In Tsiv'yan, T. V. (ed.). *Tekst: semantika i struktura (Text: semantics and structure)*. Moscow: “Nauka” Publ., 227–284 (in Russian).

Rusakova, I. D. 2020. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» (Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve)* 12, 89–108 (in Russian).

Tsvetkova, I. K. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 112–123 (in Russian).

Chairkina, N. M. 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia (The Eneolithic of the Middle Urals)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1964. *Naskal'nye izobrazheniya Urala (Rock carvings of the Urals)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V4-12. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Shirokov, V. N., Chairkin, S. E. 2011. *Naskal'nye izobrazheniya Severnogo i Srednego Urala (Rock paintings of the Northern and Middle Urals)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Bakka, E. 1973. In *Viking* 37, 151–187.

Bakka, E. 1988. *Helleristingane på Hammer i Beistad, Steinkjer, Nord-Trøndelag. Granskingar i 1977 og 1981*. Trondheim: Vitenskapsmuseet.

Edgren, T. 1967. In *Suomen Museo* 73, 8–24.

Forsberg, L. 1993. In *Studia Archaeologica Universitatis Umensis* 3, 175–276.

Hallström, G. 1960. *Monumental art of northern Sweden from the stone age : Nämforsen and other localities*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.

Helskog, K. 1988. *Helleristingene i Alta: Spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie*. Alta: Alta museum.

Helskog, K. 2014. *Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway*. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2.

Huggert, A. 1996. In *Council of Europe* 51, 441–456.

Iršėnas, M. 2010. In *Archaeologia Baltica* 13, 175–190.

Kivikäs, P. 1995. *Kalliomaalaukset: muinainen kuva-arkisto*. Jyväskylä: Atena.

Lahelma, A. 2008. In *Iskos* 15. Helsinki: Finnish Antiquarian Society.

Poikalainen, V., Ernits, E. 1998. *Rock carvings of Lake Onega: The Vodla Region*. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art.

Poikalainen, V., Ernits, E. 2021. *Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladoverts, Gazhi and Guri Localities*. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art.

Sognes, K. 2017. In *Arkeologi i Norr* 16. Umeå: Umeå universitet, 25–54.

About the Author:

Zhul'nikov Aleksandr M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University, 185910, Lenina St., 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2024 г.
Статья принята к публикации 01.02.2025 г.